Станислав Говорухин: «Американское кино не люблю до отвращения»

Известия 2005-25-24. стр. 16.

В прокат вышел новый фильм Станислава Говорухина, экранизация знаменитого романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Накануне премьеры Станислав Говорухин встретился с обозревателем «Известий» **Игорем Потаповым.**

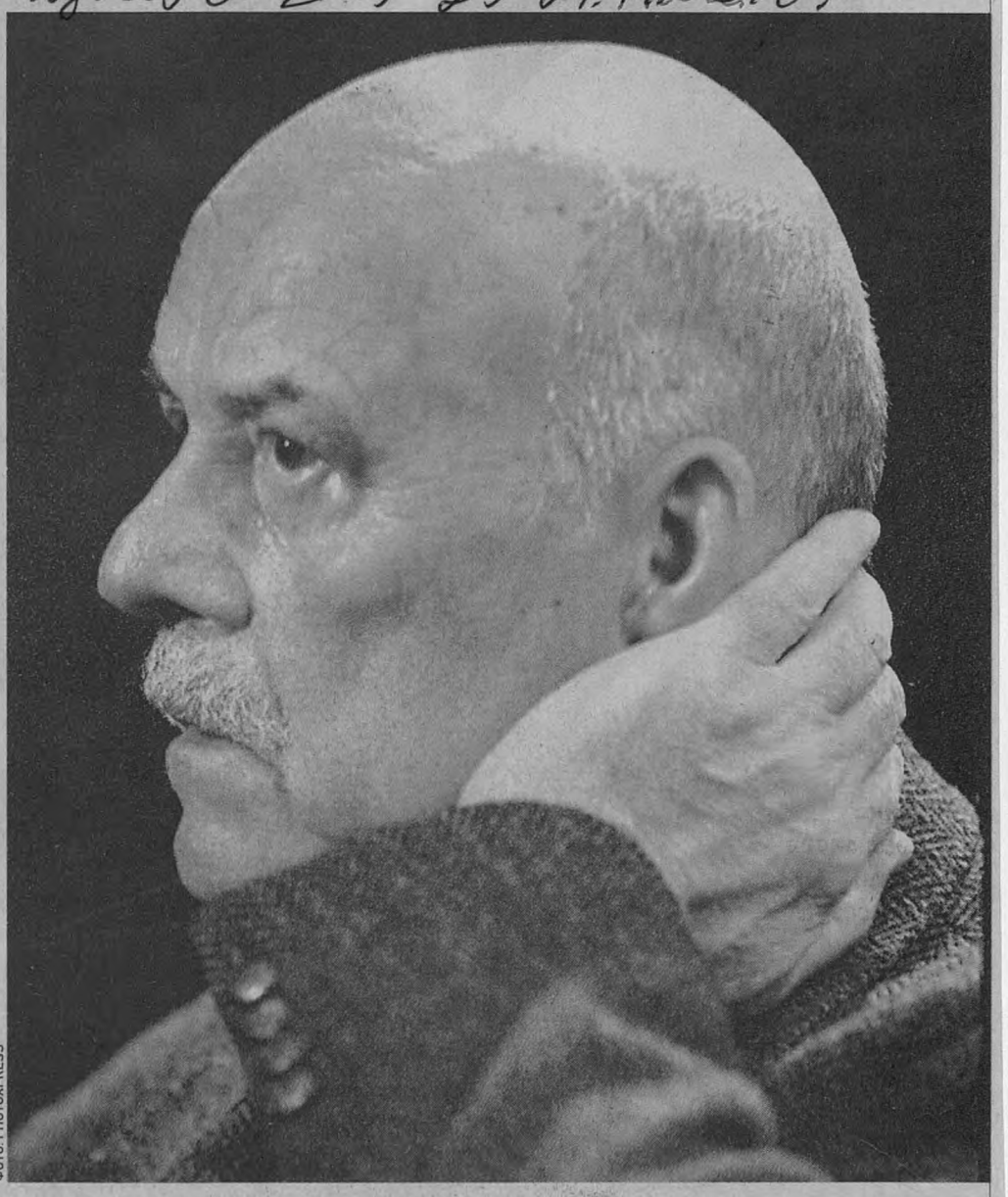

ФОТО: PHOTOXPRESS

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к обвинениям в нарушении закона о выборах — в связи с тем, что «Не хлебом единым» рекламируется одновременно с вашим выдвижением в качестве кандидата в Мосгордуму?

Станислав Говорухин: Во-первых, это совпадение — выборы и прокат фильма. Я консультировался с Вешняковым и понял, что никто в Центризбиркоме не может прочесть нормально этот закон о выборах. Но мы в итоге договорились так: в моем округе на рекламных щитах с фильмом не будет написано, что это «фильм Станислава Говорухина». Да и все равно это ничего не даст, фильм избиратели посмотреть не успеют — они все бедные, у них денег нет на кино. А во-вторых, за время предвыборной кампании какой-нибудь из моих фильмов пройдет по телевидению, я же много картин успел настрогать.

ИЗВЕСТИЯ: «Не хлебом единым» вы прочитали впервые еще в «Новом мире»?

Говорухин: Конечно. Я стоял на коленях перед библиотекаршей в читальном зале и просил: «Ну дай на ночь, я не дочитал, ну умоляю». Тогда я воспринимал эту книгу как свежий ветер, как сладкое слово свободы. И все мои сверстники воспринимали ее так же. И поэтому, наверное, это было первым звоночком — когда я узнал, что эту книгу запрещают, стали изымать из библиотек, писателя отлучили от литературы, оставили без копейки денег. Я же, как и все, учился и жил с верой в Сталина, в советское правительство. А потом появились предупреждающие звоночки — сначала закрытое письмо Хрущева после XX съезда партии, потом Дудинцев, потом Пастернак, Солженицын и так далее.

ИЗВЕСТИЯ: Почему ваш фильм заканчивается не совсем так, как книга?

Говорухин: Потому что Дудинцев не мог написать всей правды, вы же понимаете. Даже то, что он написал, было впоследствии запрещено. Какая судьба могла ожидать Лопаткина? Или он должен был сгнить в лагерях, или мог дождаться смерти Сталина, расконвоирования, реабилитации и топтания по учреждениям с требованием восстановить в правах и его, и его изобретение. И был третий вариант, хорошо описанный Солженицыным. Как умную техническую голову, Лопаткина могли привлечь к работе в одной из сотен шарашек, закрытых научно-исследовательских институтов, которые работали на оборону. Но я думаю, что Дудинцев, который писал роман с 1953 по 1955 год, даже не знал о существовании шарашек. Он уже, конечно, пообщался с теми, кто вернулся, и представлял себе первые два варианта судьбы Лопаткина. И этого описать он никак не мог, тогда бы роман не увидел свет. Оптимистический финал романа он явно писал, наступая на горло собственной книге.

ИЗВЕСТИЯ: Насколько трудно было получить разрешение на съемки на Красной площади?

Говорухин: Одному трудно, другому легче. Мне легче, потому что я снимал всю жизнь народное кино. И если я прихожу к коменданту Кремля, он не просто готов мне дать разрешение, он рад, что я пришел. Каждый режиссер получает за каждый свой фильм премию, один в Канне, другой в Венеции, третий от критиков. А моя премия — любовь народа.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас по телевизору вы смотрите что-то, что заслуживает названия «телевизионное кино»?

Говорухин: Ну что я смотрю? Посмотрел вот безумную туфту под названием «Есенин». Это болезнь, от которой пора вылечиваться. Пятнадцать лет, как открылись архивы, и много мы уже узнали правды, но ведь каждому надо внести свой вклад. И вот началось — Маяковского застрелили, Есенина повесили, Горького отравили, Чайковский педераст, Куликовской битвы не было вообще. Есенин был великий русский поэт, который погиб от алкоголя. Не он единственный, но его жальче всех.

ИЗВЕСТИЯ: Что вы смотрите из западного кино?

Говорухин: Я ничего о зарубежном кино не знаю вообще. Американское кино не люблю до отвращения. Смотрю только некоторые фильмы, которые все хвалят. Вот «Догвилль», например. Хорошее кино.

ИЗВЕСТИЯ: Некоторые говорят, что это уже не кино.

«Если я прихожу к коменданту Кремля, он рад, что я пришел»

Говорухин: Все зависит от восприятия. Про мою картину тоже говорят: «Господи, что за соцреализм, кому это надо?»

ИЗВЕСТИЯ: Слово «соцреализм» для вас — оскорбление?

Говорухин: Я нормально это воспринимаю. Это стиль «соц-арт», и я сознательно к нему стремился. Оператору Юре Клименко я говорил: снимай так, чтобы это было убедительно и достоверно. Чтобы казалось, что фильм не только о том времени, но и снят почти тогда же. Попробуй сделать это в стилистике начала шестидесятых годов, когда было настоящее шедевральное кино.

ИЗВЕСТИЯ: Зачем вы пригласили в свой фильм совсем незнакомых зрителю актеров?

Говорухин: Чтобы как раз не получилось как в том же «Есенине». Почему Хабенский должен играть Троцкого? Его должен был играть похожий на Троцкого артист, тогда бы мы поверили. Чтобы появилась достоверность, нужны лица из того времени. Вот когда я увидел Мишу Елисеева, я уже знал, что Лопаткина будет играть он. Потому что это лицо из того времени, не лживое. Этого достаточно.

ИЗВЕСТИЯ: Как в вашей картине оказались непрофессиональные актеры Розенбаум и Гришковец?

Говорухин: Я сам видел людей, похожих на героя Розенбаума, и внешне у Саши — абсолютное сходство. А в его актерских способностях у меня ни малейшего сомнения не было. С Гришковцом смешная история вышла: «Ой, Станислав Сергеевич, снимите меня в роли какого-нибудь подлеца». Ну я и смотрю в сценарии: есть следователь. «Ага, Женя как раз просил о такой роли».

ИЗВЕСТИЯ: Вас часто зовут к себе другие режиссеры?

Говорухин: Часто. Я просто не очень люблю сниматься. И в своих фильмах снимаюсь только когда нет другого выхода. Например, в «Благословите женщину» актер закапризничал, попросил большие гонорары. Я разозлился, попросил принести мне его шинель. Она мне подошла, я и снялся. А сейчас думаю — ну сколько мне картин осталось? Немного. Вот в каждой из оставшихся, если удастся, запечатлею себя.

ИЗВЕСТИЯ: Как, по-вашему, полезно ли режиссеру играть роль в своем же фильме?

Говорухин: Надо отличать большие роли от режиссерских шуток в духе Рязанова или Хичкока, которые любили в эпизодах показаться. Большие роли вредят. Я работал ассистентом на съемках «Войны и мира» у Сергея Федоровича Бондарчука, и я до сих пор глубоко убежден, что ему не стоило брать на себя роль Пьера Безухова. Хотя и считаю эту картину шедевром.

ИЗВЕСТИЯ: Политическая деятельность режиссеру может помешать?

Говорухин: Конечно же может и мешает. Пока я был в Думе, я за пять лет снял всего одну картину — «Ворошиловского стрелка». И то во время парламентских каникул. Сейчас тоже придется на два года отложить все планы с кино. Но ничего страшного, потому что тот проект, который мы задумали, требует серьезной подготовки, и мы уже не успеваем. Это морское кино, по рассказу «Пассажирка» Станюковича, легкая любовная история, что для этого писателя странно.